

состоянии, но и в «адаптированном» Болгарией виде, приспособленном к нуждам феодализирующегося общества, на стадии его перехода к феодализму, непосредственно к средневековью¹, минуя рабовладельческую формацию, минуя античность.

При этом следует отметить и еще одно обстоятельство. Средние века наступили в Византии, как и в Италии, значительно ранее, чем у славян. X век в Византии — это век уже зрелого средневековья, век вполне сложившейся средневековой культуры. К этой зрелой культуре средневековья была приобщена Болгария, а затем непосредственно от Византии и через Болгарию, в ее болгарском национальном облики, — и Русь.

Разумеется, это приобщение Руси к культуре сложившегося средневековья не могло быть полным, не могло сохранить тот же высокий уровень и ту же глубину, что и в Византии, но тем не менее зрелость той культуры средневековья, которая пришла к нам на Русь, сыграла свою роль. Сложившиеся, точно определившиеся формы культуры легче воздействуют и легче усваиваются, чем формы начальные и еще не кристаллизовавшиеся. Жесткость и «ребра жесткости» нужны для переноса, воздействия и проникновения.

Явления литературной трансплантации

Взаимоотношения литератур между собой обычно рассматриваются только в трех отношениях: в отношении общности и родства происхождения, в отношении влияния одной литературы на другую и в отношении типологических сходств и различий между ними. Тем самым круг вопросов, подлежащих исследованию, не только ограничен, но и весьма неточно ориентирован.

В самом деле. Под общностью происхождения и родством литератур по большей части имеют в виду общность происхождения и родство не самих литератур, а народов, которые эти литературы создали; под понятие же «влияния», как это мы увидим в дальнейшем, подводятся порой самые различные явления. Что же касается традиций и типологических сходств, то и здесь не выработаны еще основные понятия и не произведена точная систематизация входящих сюда явлений.

Остановимся прежде всего на вопросе о влияниях в средневековых литературах. Взаимодействие литератур — явление, свойственное всем ступеням их развития. В этом взаимодействии вырастают своеобразные черты литератур, и в этом же взаимодействии эти черты могут постепенно стираться и отмирать.

Различные влияния одной литературы на другую — одно из проявлений жизни литератур. Литературы живут, взаимодействуя,

¹ Общая проблема пропуска в культуре стадии «древности» поднята Н. И. Конрадом в книге «Запад и Восток» и развита в его статье «О всемирной литературе в средние века» (Вопросы литературы. 1972. № 8. С. 92—104).

и формы этого взаимодействия бесконечно разнообразны. При этом типы взаимодействия литератур являются частью их структуры: той структуры, в которую они входят, и той структуры, которую они развивают внутри самих себя.

Древнеславянские литературы в IX—XIII вв., как и всякие иные литературы, складывались при участии других литератур.

В последние годы появилось довольно много работ, характеризующих переводную литературу Древней Руси, литературные взаимоотношения Руси со славянскими странами, устанавливающих периодизацию византийского и южнославянского влияния в Древней Руси. Я имею в виду работы В. Велчева, Б. Ангелова, Д. Петкановой-Тотевой, Н. А. Мещерского, Н. К. Гудзия, И. П. Еремина, В. А. Мошина, В. П. Адриановой-Перетц, В. Д. Кузьминой, П. Динекова и др.

В каждой из этих работ есть стремление не только устанавливать факты, но и обобщать их — создавать общую картину литературных взаимоотношений стран православного Юго-Востока и Востока Европы. Но проблема определения самого типа влияния иноязычных литератур на славянские и взаимовлияния славянских литератур в широком плане не поставлена.

Влияния одной литературы на другую могут быть различных типов. Типы влияний в литературах тесно связаны с типами влияний культур в целом. Литературные влияния — лишь часть влияний культур друг на друга. Это особенно относится к литературам средневековым. Типы влияний в литературах повторяют типы влияний общекультурных.

Культурные влияния могут осуществляться в различных областях и различными путями с разной степенью проникновения в глубь и в суть культуры. Один тип влияний испытывают культуры на начальных этапах своего развития, другой — на зрелых. Влияние может захватывать только материальную культуру или и духовную тоже. Оно может распространяться путем непосредственных бытовых контактов населения — там, где они соседят, а также путями торговли, завоевания, общения религиозного, книжного и т. д. Обмен культурными ценностями на начальных этапах жизни народов совершается на «коротких расстояниях»; в дальнейшем, с развитием высокой духовной культуры, расстояния начинают играть все меньшую роль, и культурные связи преодолевают огромные пространства, переносятся через промежуточные государства и разделяющие народы моря и страны. Наконец, влияние может быть односторонним и обоюдосторонним, а в последнем случае встречное влияние может быть другого характера, чем влияние основное.

Рассмотрим в качестве примера влияния, которые действовали в древнерусской культуре.

Влияния, испытанные древнерусской культурой на начальных этапах ее формирования, были также различны по своему типу, хотя они и были одновременны.

Могут быть отмечены пять основных направлений культурных влияний на восточных славян, и каждое было не похоже на другое.

Одно из влияний шло с Юга — от Византии. Оно не явилось внезапно, а было развитием тысячелетних связей с северочерноморской греческой культурой на Восточно-Европейской равнине. С конца X в. это влияние удвоилось влиянием болгарским. То и другое шли рука об руку и часто, в отдельных своих проявлениях, были неразделимы и даже неразличимы.

Другое влияние было гораздо менее длительным и шло со скандинавского Севера. Со стороны юго-восточных степей давало себя знать воздействие степных народов, с Запада — влияние западных славян и германских народов, которое было более разнообразно, пестро и сравнительно более высоко по своему типу, чем влияние с Севера и с Юго-Востока.

В самом деле, влияние финнов и степных народов на Русь было слабым и в основном по своему типу очень архаичным. При этом культурное общение со степными народами и финнами было обоюдосторонним и в основном мирным. Оно не принимало сложных форм и не поднималось до высокого уровня духовного общения, было прежде всего бытовым, «неосознанным» и не встречало идейного сопротивления, хотя и имело серьезные различия в областях, которые оно охватывало.

Чтобы был ясен самый факт существования разных типов влияний, кратко остановлюсь на различиях между влиянием византийским и скандинавским. Византийское влияние поднималось до сравнительно совершенных форм общения высокоразвитых духовных культур. На Русь влияла византийская литература, изобразительное искусство, архитектура, прикладное искусство, политическая мысль, естественнонаучные воззрения и, конечно, богословие. На Русь была перенесена церковная организация; русское государство подражало наиболее высоким формам государственной организации Византии; Русь частично воспринимала придворный этикет и отдельные формы управления.

Другим было влияние Скандинавии. Оно было по своему типу ближе к влиянию на Русь степных народов, чем к влиянию Византии, хотя и отличалось все же от влияния степных народов, выходило за пределы бытового общения. Помимо материальной культуры, оно сказалось в военном деле, в государственной жизни и в экономике. Но во всех этих областях оно было более поверхностным и менее определенным, чем влияние Византии.

Покажу различие влияний византийского и скандинавского на одном чисто литературном примере. В древнейшей из дошедших до нашего времени русских летописей — «Повести временных лет» — представлен и византийский слой источников, и скандинавский. Византийский слой — это прежде всего тщательно, точно и художественно выполненные переводы отрывков из византийских исторических сочинений: хроник и житий святых в первую очередь. Эти отрывки свидетельствуют о сложных историчес-

ких идеях и о широком охвате мировой истории, ставшей через них доступной русскому читателю. Совсем другой характер носят скандинавские источники той же летописи — так называемые «варяжские предания». Несмотря на то что они были подвергнуты обстоятельному исследованию в ряде работ А. Стендер-Петерсоном¹ и Е. А. Рыдзевской², стоявших на различных позициях, многое в них остается неясным и спорным; их скандинавские источники по большей части неизвестны; в некоторых случаях трудно определить, возникли ли эти скандинавские источники в самой Скандинавии или в варяжской среде на Руси; в ряде случаев их скандинавское происхождение вообще может быть оспорено. Такая неопределенность вызвана их фольклорной аморфностью. Несмотря на высокие художественные достоинства сюжетов «варяжских преданий», они относятся, с точки зрения заключенных в них исторических представлений, к совершенно другой, более архаичной стадии исторического сознания, хотя фактически одновременны в «Повести» с византийскими источниками.

Скандинавский слой «Повести» архаичен. Напротив, византийский слой стоит на уровне современной «Повести» европейской культуры. Между скандинавским влиянием и византийским такое же стадияльное различие, как между фольклором и литературой.

Следует сделать и еще некоторые общие замечания. Ход развития исторической науки ведет нас ко все большему и большему признанию роли внутренних законов в развитии страны, ее государства и культуры. Иностранные влияния оказываются действительными только в той мере, в какой они отвечают внутренним потребностям страны. Прогресс исторической науки заставляет нас все внимательнее относиться к внутреннему смыслу событий. При этом внешние воздействия постепенно раскрываются перед нами в их глубоком, органическом значении. Внешние воздействия, роль которых отнюдь нельзя преуменьшать, оказываются явлениями внутренней жизни стран и народов.

Разумеется, внутренние потребности страны могли удовлетворяться как изнутри, так и извне. Византийское влияние проводилось и представителями местной культуры, и самими греками, которые одновременно шли навстречу потребностям славянских

¹ Stender-Petersen A. 1) Die Varägersage als Quelle der altrussischen Chronik. Köbenhavn, 1934; 2) Varangica. Aarhus, 1953; 3) Das Problem der ältesten byzantinisch-nordisch-slavischen Beziehungen // Relazioni del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche. Firenze, 1955. Vol. 3; 4) Varägersprgsmålet // Viking. Oslo, 1959. Bd XXIII, и др.

² Рыдзевская Е. А. К варяжскому вопросу // Изв. АН СССР. VII серия, Отд. общ. наук. 1934. № 8. В Петербургском отделении Архива Института археологии АН СССР имеется рукопись незаконченной работы Е. А. Рыдзевской (Е. А. Рыдзевская погибла во время блокады Ленинграда) «Варяжские предания Начальной русской летописи» (около десяти авторских листов).

стран и самой Византии (в тех, конечно, случаях, когда они совпадали). Нельзя поэтому думать, что местные черты существовали только в искусстве местных мастеров: приезжие мастера-греки также могли вносить в свое искусство местные черты под влиянием требований, которые к ним предъявлялись в той стране, где они работали. То же самое нужно сказать и о переводчиках: они могли быть и местными (и по большей части такими и были, поскольку переводы требовали превосходного знания языка, на который переводы делались), но не исключена возможность существования переводчиков-греков.

Наконец, следует отметить, что отношения влияющей и испытываемой влияние сторон могли быть весьма сложными. Активное отношение той страны, на которую влияли, могло сопровождаться и частичными проявлениями неприязни, стремлением освободиться от этого влияния, борьбой за свою независимость. Так, русская летопись дважды называет греков «льстивыми» (лживыми), митрополит киевский Иларион оспаривает в своей знаменитой проповеди «О Законе и Благодати» превосходство греческой церкви над русской и т. д.

Внутренние потребности, которые вызвали византийское влияние в IX—XI вв., сказываются сильнее и определеннее в переносе целого, чем в переносе отдельных элементов культуры, ее единичных проявлений. Создание той или иной рукописи памятника, того или иного перевода, переделки, свода исторических или природоведческих сочинений может быть вызвано случайными причинами: переездом того или иного лица, частными потребностями монастыря, индивидуальными склонностями заказчика и писца, но в явлениях массового характера, повторяющихся, связанных друг с другом, всегда сказываются общие потребности, потребности общества, а не отдельных лиц, потребности закона, а не «благодати», потребности необходимости, а не свободы.

Дело, однако, не только в том, что существуют разные типы влияния: не все явления византийского воздействия на Русь могут быть вообще подведены под термин «влияние». Можем ли мы говорить, что византийская религия «повлияла» на русскую, что византийское православие оказало «влияние» на русское язычество? Конечно, нет! Византийское христианство не просто «повлияло» на религиозную жизнь русских — оно было перенесено на Русь. Оно не изменило, не преобразовало язычества — оно его заменило и в конечном счете уничтожило как институт. Можем ли мы также говорить о том, что византийская литература «повлияла» на русскую литературу в начальном этапе ее формирования? Дело было несомненно сложнее. Византийская литература не могла повлиять на русскую литературу, так как последней попросту не было. Был фольклор, была высокая культура устной ораторской речи, но письменных произведений до появления у нас перево-

дных произведений вообще не было. Влияние начинается позднее, когда перенос уже совершился и когда литература уже существовала, развивалась.

Недостаточность термина «влияние» может быть показана и на ряде других областей византийского воздействия. Во многих случаях поэтому правильнее говорить не о «влиянии» отдельных культурных явлений Византии, а о переносе этих явлений. Перенос этот был, однако, весьма своеобразен. Он не был механическим, и им не заканчивалась жизнь явления. На новой почве перенесенное явление продолжало жить, развиваться, приобретало местные черты: начиналось действие фактора свободы и «благодати» (в том смысле, который придавал ей Иларион).

Поясню это на примере переводных произведений. Перенос литературного произведения в средние века был связан с продолжением его литературной истории, с появлением новых редакций, иногда с приспособлением его к местным, национальным условиям. Византийское произведение в результате этого оказывалось в известной мере произведением местной, национальной литературы.

Конечно, не все переводные произведения изменялись в равной степени. Не менялись или менялись сравнительно незначительно сочинения церковно-канонические, богослужебные, освященные строю установленными и устойчивыми формами церковной жизни. От переводчиков и переписчиков требовалась особая точность (ἀκρίβεια) в отношении памятников патристической литературы, литургических, церковно-канонических. Текст этих памятников менялся сравнительно мало. Произведения повествовательные и исторические изменялись в гораздо большей степени. Кроме того, существовали переводные произведения, связь которых с византийским оригиналом постоянно осознавалась и текст которых поэтому изменялся на славянской почве не только под воздействием местных условий, но и в результате новых обращений переписчиков к византийскому оригиналу. В. А. Мошин прекрасно показал такого рода изменения текста на примере славянского перевода Синодика¹. Значительно раньше это же было продемонстрировано В. П. Адриановой-Перетц на примере «Жития Алексея Человека Божия»².

Все изложенное позволяет выделить категорию явлений культурного воздействия Византии, в которых мы должны видеть не проявления влияния, а проявления трансплантации византийской культуры на славянскую почву. Памятники «пересаживаются», трансплантируются на новую почву и здесь продолжают самостоятельную жизнь в новых условиях и иногда в новых формах, подобно тому как пересаженное растение начинает жить и расти в новой обстановке.

¹ Мошин В. А. Сербская редакция Синодика в нецелю православия. Анализ текстов // ВВ. Т. XVI. М., 1960.

² Адрианова В. П. Житие Алексея Человека Божия в древней русской литературе и народной словесности. Пг., 1917.

Не только отдельные произведения, но целые культурные пласты пересаживались на русскую почву и здесь начинали новый цикл развития в условиях новой исторической действительности: изменялись, приспосабливались, приобретали местные черты, наполнялись новым содержанием и развивали новые формы. Их жизнь мало чем отличалась от жизни местных произведений — разве только своею большею сложностью в связи со вторичными воздействиями греческих оригиналов.

Трансплантация была возможна потому, что большинство культурных явлений и произведений русского средневековья не имело окончательного вида. Памятник жил в каждую эпоху, принимая новые формы и наполняясь новым содержанием¹.

Показатель нового времени — появление иных тенденций в жизни старых произведений. В новое время старое произведение оберегается от изменений. Оно консервируется, а порой и «реставрируется», если оно все же подверглось каким-то изменениям. Работа ренессансных филологов, стремящихся к восстановлению первоначального вида памятника, — показатель появления исторического сознания нового времени. В России этому в известной мере соответствует появление «исправления книг» сперва в конце XIV и в XV в., а затем в XVI и XVII вв.

Стремление сохранить культуру в старых формах или даже восстановить эти старые формы, реконструировать их — явление нового времени, нового исторического сознания. Напротив, продолжение жизни старой культуры в новых формах, трансплантация культуры — явление типичное для средневековья. Трансплантация позволяет росткам старой культуры самостоятельно, творчески развиваться на новой почве. Она ведет к появлению местных черт и местных вариантов трансплантируемой культуры. Это явление чрезвычайно важно для образования и формирования новых культур: признак их «молодости» и жизнеспособности.

Культурное воздействие Византии в славянских странах проявлялось в формах трансплантации византийской культуры и ее отдельных памятников и явлений. Влияние в общем — это явление, как мы уже сказали, более позднее. Оно представляет собою воздействие, приводящее к изменению уже сложившихся форм и содержания. Влиянию предшествует и затем сопровождает его трансплантация.

Из изложенного ясно: нельзя механически и жестко делить древнерусскую литературу (а с ней вместе и другие древнеславянские литературы) на «оригинальную» и «переводную». Это деление годилось бы для литератур нового времени с их устоявшимися текстами. В древнеславянских же литературах дело было сложнее. Так называемая переводная литература была органической частью национальных литератур; она не имела четких границ, отделяющих ее от литературы оригинальной. Переводчики и писцы по

¹ См.: Лихачев Д. Текстология на материале русской литературы X—XVII вв. М.; Л., 1962. С. 53—94. Изд. 2-е. Л., 1983.

большей части были соавторами и соредакторами текста. Текст переводных произведений жил так же, как и текст оригинальных. Вместе с тем он сложно соотносился с оригиналом, с которого был сделан перевод. Переводной памятник участвовал в общем развитии литературы, которая его приютила, реагируя на изменения идеологии и литературных вкусов новой среды.

К тому же сама оригинальная литература вследствие ограниченности средневековых представлений об авторской собственности включала в себя элементы переводных памятников, трансформацию идей, образов и представлений, заимствованных из инонациональных литератур.

Отсутствие четких границ между литературами оригинальной и «переводной» (мы ставим это слово в кавычки, чтобы показать условность этого термина) объяснялось также, как мы увидим в дальнейшем, «ансамблевым строением» большинства произведений литературы, где могли соединяться и оригинальные, и «переводные» части.

Традиционное деление древнеславянских литератур на две главные части — оригинальную и переводную — произведено с нашей современной точки зрения и модернизирует средневековую литературу. Что же касается внутренних свойств самого литературного материала, то в древнеславянских литературах более важны были, может быть, некоторые другие принципы выделения отдельных разделов литературы, к одному из которых мы сейчас и обратимся.

Древнеславянская литература-посредница и славянская «рецензия» (редакция) Византийской культуры

К явлению трансплантации близко примыкает еще одно явление, на которое мы должны обратить внимание, изучая общие формы византийского влияния. Это образование некоторой общей для всех стран южного и восточного славянства литературы-посредницы. Термин «литература-посредница» не нов в литературоведении. Обычно под литературой-посредницей понимают национальную литературу, которая передает другой национальной литературе в своих переводах и обработках памятники третьей национальной литературы. Я предлагаю распространить этот термин и на те наднациональные литературы, которые существовали на священных языках средневековья: латинском, церковнославянском, арабском, санскрите и пр. Эти литературы создавались во многих странах, были общим достоянием этих стран, служили их литературному общению. При этом их литературное посредничество — не их побочная функция, а основная. Произведения, написанные на том или ином из священных и ученых языков, входили в единый фонд памятников объединяемых этими языками стран и участвовали в создании литератур на национальных языках. Это были